

ДЕТЕКТИВЫ БАРССИНГТОНА

Дело о кабачке

Архив
Барссингтона

Секреты
не хранятся
вечно...

Наталья Капычай

Наталья Капычай

Дело о кабачке

<https://litres.ru/74580997>

SelfPub; 2026

Аннотация

Никто не видел этот кабачок. Никто не может доказать, что он вообще был. Но на него разом претендуют пятеро.

Пока тщеславный кот-детектив Барс гоняется за эффектными версиями, выясняется главное: кабачок не украли — его вычеркнули. И искать придётся не вора, а того, кто раздал пятерым право молчать.

Ироничный детектив о городе, где бумага сильнее правды, а овощ — сильнее всех.

Содержание

Глава 1. Дело не моего уровня	4
Глава 2. Пять заявителей	9
Глава 3. Опись предмета	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Наталья Капычай

Дело о кабачке

Глава 1. Дело не моего уровня

Утро в конторе Барса начиналось не с рассвета, а с гоно-
раров.

Гонорары лежали на столе ровными столбиками — медью, серебром, и отдельно, под пресс-папье, самой крупной монетой за последнее дело о краже колбасы. Барс пересчитывал их второй раз. Первый раз он пересчитал их на рассвете, второй — только что, и результат не изменился, что его почему-то оскорбило.

Он работал не для денег, разумеется. Он работал для Барсингтона. Но и деньги были неплохи, потому что Барсингтон был городом благодарным, если его правильно напугать.

Плащ висел на спинке кресла. Плащ был хорош: тёмный, с капюшоном, чуть длиннее, чем следовало, — чтобы его хватало на все случаи жизни. Барс сразу заметил, что сел он не идеально. Тогда он надел плащ, подошёл к двери, распахнул её, постоял на пороге спиной к комнате, слегка повёл плечом — и только потом снял.

Эффект не произвёл ни на кого впечатления, кроме самого Барса и кошки из приюта напротив.

— Ты только что был собой, — слышалось из-за двери.

Он обернулся. У стены, на табурете, стоял крот. Стоял, судя по всему, давно. У него был блокнот в лапах и то выражение, с которым обычно приходят не спорить, а уже знать всё.

— Арчибальд, — сказал Барс. — Ты когда вошёл?

— Когда ты закрывал дверь.

— Первый раз?

— Ты её закрывал три раза. Я вошёл между вторым и третьим.

Барс не стал выяснять, зачем Арчибальд считает, сколько раз он закрывает дверь. С этим кротом бесполезно спорить о фактах: он их записывает раньше, чем ты их совершаешь.

В дверь постучали.

На пороге стоял Слива — тогда ещё никто не знал, что он Слива, и вообще никто не знал, что он котёнок чей-то там. Просто мелкий, рыжий, с глазами, в которых не отражалось ни одной мысли. Он держал конверт в зубах, потому что лапами не умел.

— Тебе, — сообщил он, вручая конверт Барсу. — Скажи, от одного господина. Через третьи руки.

— Через чьи?

— Через третьи, — повторил Слива. — Я в них был.

Барс распечатал конверт нарочито медленно, чтобы все успели увидеть, что он распечатывает конверт нарочито медленно. Внутри лежал лист с ровным наклонным почерком.

«Уважаемый Барс! У одной почтенной особы пропал предмет. Прошу вас принять дело. Оплата — достойная.»

— Предмет, — сказал Барс. — Какой?

— Кабачок, — сказал Слива беззаботно.

Наступила идеальная тишина. Даже уличный шум за окном стал вести себя приличнее.

— Кабачок, — повторил Барс.

— Кабачок.

Барс посмотрел на лист. Потом на Арчибальда. Потом на улицу, где стоял, ни о чём не подозревая, целый Барсингтон, и где никогда, ни разу за всё время его карьеры, никто не приходил к нему с просьбой найти овощ.

Он встал. Он подошёл к двери. Он повернулся к ним спиной и произнёс очень внушительно:

— Кабачок — не моего уровня.

Арчибальд занёс перо над блокнотом.

— Что именно?

— Я лучший нос Барсингтона, — сказал Барс в стену. — Я беру кражи, пропажи, исчезновения, тайны, интриги. Я беру случаи, в которых пахнет преступлением. Я не беру овощи.

— А если кабачок большой? — спросил Слива.

— Кабачок, котёнок, не бывает большим. Кабачок бывает съеденным.

— Яблоки бывают большими.

— Мы говорим не о яблоках.

— Кабачок тоже.

Барс медленно оторвался от стены и вернулся к столу. Он взял лист и посмотрел на подпись. Подписи не было. Вместо неё стояла маленькая закорючка и слова «через третьи руки».

Затем он задал Сливе один вопрос, потому что у Сливы был очень плохой талант отвечать на такие вопросы правильно.

— Ты знаешь, кто платит?

— Знаю.

— Кто?

— Мадам Мурр.

Пауза длилась ровно столько, сколько нужно было, чтобы в конторе стало душно.

Мадам Мурр. Молочный дом на набережной. «Мурр и сыновья» — при том, что сыновей ни у кого не было, а было производство, склады, счётные книги и ожерелье, по которому можно было узнать курс серебра, не вставая с кресла. Мадам Мурр была не богата — мадам Мурр была богата так, что богатство её переставало быть заметным, как перестаёт быть заметной погода.

Барс положил лист на стол. Потом взял его снова. Потом посмотрел в окно, куда, по странному совпадению, как раз смотрел весь Барсингтон.

— Знаешь, что я в этом городе люблю? — сказал он наконец.

— Что? — спросил Слива.

— Запах больших денег. — Барс надел плащ. — Он, в отличие от овоща, ощущается на расстоянии.

Он направился к двери. Шаг был выверен, разворот — безошибочен. Оставалось только выйти и услышать за спиной восхищённое молчание.

Восхищённого молчания не было.

— Арчибальд, — сказал Барс, уже в дверях. — Ты запиши, как я отказался.

— Уже записал.

— И как я согласился.

— Тоже записал.

— А разницу между ними?

— Разница в четырёх строчках, — сказал крот. — Я подчеркнул.

Глава 2. Пять заявителей

К девяти утра под дверью конторы стояла очередь.

К девяти утра под дверью конторы стояла очередь, а этого Барс не любил, потому что очередь плохо смотрится в отчёте: она создаёт ощущение потока, а поток — ощущение, что работал не ты, а обстоятельства.

— Пять, — сказал Арчибальд, сидевший с папкой на подоконнике. — Пятеро.

— Я вижу, что пятеро.

— Я предупреждаю, что пятеро.

Барс не нашёлся, что на это сказать, и просто распахнул дверь.

Они вошли.

Первым — мельник Кузьма, спокойный, как жернов, и от него пахло мукой так, что в конторе стало заметно чище. Вторым — лавочник Жюль, который успел сказать что-то до того, как вошёл, и продолжал говорить уже внутри, потому что для него говорить было способом дышать. Третьей — портниха Роза, нервная, с напёрстком, который она не выпускала из лапы даже здесь. Четвёртым — кучер Пимпель, обиженный на весь мир и на всех, кто в нём живёт виновато. Пятым, последним, боком, — архивный стажёр Тюря, который вошёл, будто заранее извиняясь за то, что его здесь видят.

У каждого была бумага. Бумаги все как одна утверждали, что владелец кабачка — именно этот человек.

Барс обошёл очередь дважды. Потом сел. Потом встал опять, потому что сидеть, когда на тебя смотрят пятеро, — это упустить момент.

— Итак, — сказал он. — Кабачок у каждого из вас.

— Один кабачок, — сказал Кузьма.

— Мой, — сказал Жюль.

— Мой, — сказала Роза.

— И мой, — сказал Пимпель, обиженно.

— И... — начал Тюря и не договорил.

Барс обвёл их взглядом. С момента, когда он первый раз услышал слово «кабачок», в конторе не было ни одной фотографии кабачка, ни одного рисунка, ни одного измерения, ни одного зерна сохранившейся кожуры. Только бумаги.

— Кто из вас видел предмет? — спросил он.

Молчание было очень длинным.

— В смысле — видел? — уточнил Жюль.

— Глазами.

Тишина стала ледяной, и Жюль, будучи человеком живым, тут же начал объяснять, отчего это не имеет значения, потому что достаточно бумаги, — и объяснял полторы страницы, за которые Барс дважды успел его мысленно похоронить.

— Бумага у всех есть, — сказал Арчибальд, не поднимая головы. — Предмета не видел никто.

Барс подошёл к первому заявителю. Он делал это всегда медленно, потому что так было эффектнее, и потому что люди, которые торопятся, пахнут одинаково. Он обнюхал Кузьму. Потом Жюля. Потом Розу, от которой пахло, что она сегодня плакала. Потом Пимпеля. Потом Тюрю, который стоял так тихо, что его можно было принять за вешалку.

Когда он закончил, в конторе стояла та самая тишина, за которой потом всегда следует реплика.

— Ну? — не выдержала Роза.

Барс вернулся к столу. Он уже придумал фразу, и фраза была хороша; фраза была из тех, которые потом вставляют в газеты.

— Пахнут одинаково, — сказал он.

— Чем? — спросил Жюль.

— Старым долгом.

Пауза вышла идеальной. Барс сам себе нравился.

Только очень далеко, где-то на задворках его собственного рассуждения, он не заметил, что уже сказал вслух разгадку. Может, потому что она прозвучала как заготовка, а заготовки никто не слушает.

Арчибальд молчал. Арчибальд достал чистый лист и занёс в папку всех пятерых, по одной строке на каждого, а последнюю оставил пустой.

— Почему у них одна папка? — спросил Барс.

— Потому что у них один предмет, — сказал крот. — Насколько можно судить по бумагам.

— Сколько владельцев?

— Пять.

— Сколько доказательств?

— Ноль.

— Такого не бывает.

— Бывает, — сказал Арчибальд. — Я подшиваю это уже сорок лет.

Глава 3. Опись предмета

Стол был накрыт не для чая, а для описи.

Чернильница, перо, промокашка, вторая лампа и блокнот — новый, чистый, с ровными полями. Арчибальд любил эту операцию так, как другие любят утро: без восторга, зато тщательно.

— Начинаем, — сказал он. — Сорт.

Барс сидел напротив, развалившись, и делал вид, что не участвует.

— Кабачок, — сказал он.

— Сорт — не «кабачок». Сорт — это сорт.

— Чей?

— Это я вас спрашиваю.

Барс подозвал заявителей по очереди, и выяснилось, что вопрос «какой сорт» вызывает у пятерых людей одинаковое выражение лица, а именно — то, с которым человек тянет время.

— Круглый, — сказал Жюль.

— Зелёный, — сказала Роза.

— Большой, — сказал Пимпель.

— Хороший, — сказал Кузьма.

— Тот самый, — сказал Тюря, и это было самое честное, что прозвучало за час.

— Вес? — продолжил Арчибальд.

Никто не знал.

— Дата пропажи?

Никто не знал. Никто не знал даже, где предмет лежал — на складе, в кладовой или не лежал вообще.

— Приметы?

«Кабачок» — и всё.

Арчибальд заполнял строчки ровно. Напротив графы «сорт» появилась прочерк; напротив веса — прочерк; напротив даты — прочерк. И дальше — та же ровная работа пера, за которой никакая ругань не могла угнаться.

— Арчибальд, — сказал Барс наконец. — Прекрати.

— Формальности?

— Формальности. Они мешают.

— Они не мешают, — сказал крот, не поднимая головы.
— Без описи предмета не существует.

Он сказал это ровно. Без нажима. Так, как говорят «ложки лежат в сундуке, рядом с салфетками». Никто не придал значения: Барс уже отошёл к окну, заявители смотрели в пол, Жюль начал новую историю, а Слива, сидевший под столом, в этот момент нашёл там хлебную корку и с головой ушёл в свои дела.

Фраза легла в текст и осталась там. Единственная правильная фраза вечера.

— Значит, так, — сказал Барс, вернувшись. — Поскольку описать предмет не может никто, опишем место.

Он развернул карту города, взятую у извозчика за неиме-

нием своей, и ткнул лапой в кладовую при складе «Трёх Кро-
тов».

— Скидка при оптовом заказе, — сказал Слива из-под
стола.

— Что?

— Ничего.

Арчибальд закрыл блокнот.

— Четыре графы пустые, — сказал он. — Пятая заполне-
на.

— Какая?

— «Владелец не установлен». — Крот аккуратно завинтил
чернильницу. — Я подчеркну, когда будет окончательно.

— А если владелец не найдётся?

— Тогда найдётся другой способ, — сказал Арчибальд. —
Или предмет найдётся сам. Кабачки иногда находятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.